

Лапели

БИНА БАРУА

Ассам (Индия)

КОНЕЧНО, моя профессия дает мне достаточный заработок, но зато об отдыхе не приходится и мечтать.

Стоит вам только сесть за стол и приняться за еду, как кто-нибудь обязательно придет и скажет, что в доме у него холера. И вы, едва успев вытереть руки, бегом устремляетесь туда. Или после утомительного дня, после всех этих «простукиваний и прослушиваний», когда вы думаете только о том, чтобы броситься в постель и заснуть сном праведника, к вам вдруг является счастливый супруг и возвещает о скором прибавлении семейства. И вы снова мчитесь куда-то сломя голову. Так что вовсе не следует завидовать врачу из департамента здравоохранения, особенно если он работает по экстренным вызовам. В его жизни упорядоченности не больше, чем в опрокинутой корзине слив. Он не знает, что его ждет через минуту. Ему недоступно даже то небольшое, что имеет едва ли не каждый: спокойные полчаса во время обеда или ужина. Просто удивительно, сколько на свете болезней, и никогда не бывает так, чтобы какая-нибудь зараза сгинула совсем, хоть на время! Вспышки дизентерии, оспы или каладжары — черной лихорадки — следуют одна за другой в каком-то таинственном непрекращающемся круговороте.

Я только что вернулся из Наугонга, где проводились массовые прививки, а меня уже ждала телеграмма из Шиллонга¹. Мне предписывалось немедленно отправиться в Кохиму, в районе которой началась эпидемия холеры. Сборы не заняли много времени — привычка многое значит. Я проследовал на вокзал и сел в ночной поезд.

В Кохиме я узнал, что очаги холеры отмечены в глухих деревнях, ни много ни мало в целых двадцати милях от города. Там уже поставлена палатка, которая будет находиться в моем полном распоряжении.

И вот, сопровождаемый двумя старейшинами из племени нага, я снова отправился в путь. Добравшись по горной дороге до селения Мао и, поднявшись

на крутой высокий холм, оказался у своей палатки. Она стояла на совершенно голой вершине. Лишь далеко внизу зеленели стройными рядами великаны-сосны. На память мне пришли строчки из стихотворения, которое я читал когда-то в детстве:

*Я здесь властелин всего, что вижу,
Несопоримо право мое...*

Красота гор действует на человека, словно волшебный хмельной напиток. Величие скал, шум леса, яркие краски цветов, серебряный танец родника, хоры птиц — все это наполняет горы необыкновенным очарованием. Даже ветер разливает божественный аромат, повергая вас в состояние сладостного забвения. А как прекрасно в горах звездное небо!

...Я сразу же взялся за дело. Все с теми же проводниками обходил деревни одну за другой. Прошло несколько дней, но, увы, мне не удалось сделать ни одной прививки. Молодые и старые, мужчины и женщины разбегались в паническом страхе, едва завидя наш маленький отряд. Все это напоминало детскую забаву — погоню за кузнечиками.

Как-то в полдень, решив наконец немного отдохнуть, я с блаженным чувством развалился в складном кресле перед палаткой. Закурил сигарету и окинул взглядом «свои владения». По склону холма поднимались двое мужчин нага. Они подошли к палатке и застыли в загадочной неподвижной позе. Того, что повыше, звали Мусупил. Он уже приходил ко мне несколько раз. На обоих были очетхилы — своеобразные бусы из стреляных гильз. Но в очетхиле незнакомого нага были еще и красные камешки. Я обернулся к Мусупилу и спросил его:

— А почему в твоих бусах нет этих камешков?

— Потому что наши бусы совсем разные. Мои называются очетхила, а его — оминиху. Он победил тигра и поэтому имеет право носить особое отличие — ожерелье с костью дикого кабана и красными бусинками.

Оба нага курили с видимым удовольствием и неторопливо отвечали на мои бесконечные вопросы. Но вот Мусупил прервал меня:

— Ипу (господин), ты знаешь очень много. Скажи тогда: почему мы, живущие в горах, так непохожи на людей с равнины?

Я только пожал плечами, признаваясь в своем невежестве. И Мусупил объяснил:

— Люди с равнины, так же как и мы — племена ангами, ао, лхоты и сэмы, — дети одного и того же бога Опу Очу. Когда дети выросли, начали ссориться и захотели жить раздельно, Опу Очу отрубил голову буйволу и спросил, кто из его детей возьмет ее. Голову взяли жители равнины. Они съели ее и поэтому стали очень умными. Мы, ангами, выбрали бедра буйвола. И у нас — сильные ноги. Ао съели сердце. Теперь сердца у них твердые. Лхотам достались копыта, а сэмам — голени. Поэтому лхоты быстро бегают, а сэмы, хоть и высоки ростом, но уж никак не могут похвастаться силой!

Вскоре мои гости ушли. Я же с сигаретой во рту остался размышлять о возможности восстановить так забавно утраченное в незапамятные времена единство людей гор и равнины.

На склоне горы бил родник, и девушки нага приходили сюда каждое утро за водой. Они наполняли бамбуковые бутылки, забавлялись, обливая друг друга. Иногда одна из девушек бросала камень, метя в какую-нибудь цель. Другие следили за ней, словно члены какого-то важного жюри. Иногда девушки о чем-то говорили, глядя в мою сторону, смеялись и

¹ Шиллонг — административный центр штата Ассам.

даже что-то кричали мне. Я всегда смущался и отворачивался.

У девочек головы были обриты. Девушки, наоборот, носили длинные волосы, украшая прическу коричневыми перьями и лентой. У всех горянок были бусы и по несколько бронзовых браслетов на руках. Одеты они были в короткие, едва достигавшие колен юбки. Плечи и грудь оставались неприкрытыми. У двух девушек бусинки были нашиты и на юбке и бусы в несколько рядов опоясывали талию. Уходя, девушки всегда улыбались мне, и я улыбался им тоже.

По вечерам я иногда спускался к деревне и всегда встречал одну из приходивших к роднику девушек: в тайке подруга она возвращалась из лесу с вязанкой хвороста; они пели песню. Проказница замедляла шаг, во все глаза, словно на некую редкость, смотрела на меня, потом, смеясь, догоняла подругу.

Как-то утром, наслаждаясь ласковым горным солнцем, я сидел на большом камне около палатки и накалывал на картонку редких бабочек. И вот совершенно неожиданно передо мной предстала ожившая греческая статуя — моя незнакомка. Я замер от удивления, молча, восхищенными глазами смотрел на нее. Девушка положила передо мной маленький пакет из банановых листьев, в котором было бесчисленное множество бабочек всех цветов — красные, голубые, зеленые, желтые, — и со смехом убежала к роднику.

С этого дня я уже не расставался с мечтой о ней. Словно астролог заветную звезду в небе, искал я ее среди подруг. Каждое утро с нетерпением ждал ее появления у родника.

Девушка, в свою очередь, стала все чаще и чаще приходить к палатке. Без всякого страха или смущения вступала со мной в разговор. Ее звали Лапели. Жила она на краю деревни Наймао, и отец ее был чучуми этой деревни. Чучуми — старейшина, без которого глава деревни не может решить ни одного, даже самого маловажного, вопроса. Поэтому Лапели одевалась лучше других. Бусы на юбке и вокруг талии говорили о ее особом положении.

Нежданно-негаданно я сам заболел: несколько дней меня трепала жестокая лихорадка. На целые часы я впадал в тяжелый беспокойный сон. В тот вечер, когда я открыл глаза, мне показалось, что кто-то заглянул в палатку. Потом я услышал голос моего помощника: он громко выговаривал кому-то. Я позвал его и спросил, в чем дело. Он развел руками: уже целый час у палатки стоят девушки нага. С ними старуха, которая якобы знает заклинания и может меня излечить.

Я рассмеялся и велел пропустить ко мне этих необычных лекарей.

Лапели тихо вошла в палатку. Я взглянул на девушку и увидел в ее глазах слезы. Она подошла к моему изголовью и сказала, что старая женщина, Тхумоми, живет в ее деревне и, если ей разрешат меня лечить, она может изгнать болезнь заклинаниями. Я согласился, с трудом удерживая смех.

Тхумоми положила возле моей подушки большой лист и велела мне лечь на живот. Затем она принялась массировать меня. Массаж подействовал усыпляюще, я задремал. Старуха, однако, не дала мне уснуть. Она указала на банановый лист, на котором лежали какие-то белые камешки и порошок. Все это, по ее словам, она извлекла из моего тела силой своего колдовства.

— Твоя болезнь ушла, и ты скоро почувствуешь себя лучше, — сказала Лапели. По ее глазам было видно, что она в этом совершенно уверена.

На следующий день вечером Лапели пришла с Лапу. Лапу был деревенским жрецом, в обязанность которого входило исполнение похоронных обрядов. Он также совершал в высшей мере целительный, по общему убеждению, ритуал «акхукхупхеви» — бросания яиц.

Лапу взял два яйца в правую руку и произнес какие-то загадочные слова, вроде «кхе», «кини», «кутху». Затем взмахнул рукой с яйцами шесть раз. После этого мне было предложено надбить скорлупу. Когда я покорно повиновался, Лапу бросил яйца — одно на восток, другое на запад.

Уходя, Лапели положила у «порога» тлеющую головешку и с самым серьезным видом предупредила меня, чтобы полог палатки был обязательно закрыт до утра.

Конечно, я не пренебрегал лечением понадежнее, и поэтому через несколько дней уже встал на ноги и смог возобновить свои прогулки в горы. Иногда, вооруженный, как настоящий воин нага, луком и стрелами, я отправлялся в лес с деревенскими мальчишками охотиться на птиц.

Как-то вечером, вернувшись смертельно усталым после одной из таких экспедиций, я положил на место лук и стрелы и начал снимать свитер. Вдруг в полутемном углу палатки что-то зашевелилось. Я обернулся в испуге и увидел девушку нага.

— Лапели? — изумился я.

Лапели жестом велела мне молчать.

Я снял свои охотничьи доспехи и растянулся на кровати. Лапели медленно вышла из угла, присела на корточки рядом со мной и, запуская пальцы в мои волосы, начала ласково их поглаживать. Как сладостно было прикосновение ее нежных пальчиков! Я закрыл глаза, убаюканный неожиданным счастьем. Будущее рисовалось мне в самых лучезарных красках.

— Лапели, почему ты пряталась? — наконец спросил я.

Она не ответила. Потом я услышал, что она уже не сможет приходить ко мне, как раньше. Родители сердятся на нее, старейшины осудили ее поведение. Ей сказали, что людям с равнины нельзя доверять.

— Это правда, ипу? — тихо проронила она, как-то сразу поникнув.

Я взял ее руку:

— Лапели, ты веришь мне или нет?

Она ответила:

— Я думаю, что все люди — в горах и на равнине — хорошие.

Я спросил ее:

— Ты любишь меня, Лапели?

Она улыбнулась и не ответила прямо:

— Догадайся сам.

Лаская ее украшенную браслетами руку, я сказал:

— Уйдем, Лапели, уйдем вместе на равнину.

Она снова долго молчала. Потом ответила:

— Но как же я оставлю родных?.. И разве есть на равнине такие чудесные места, как здесь, — сосновые леса, танцующие ручейки? Как можно забыть эти чудесные горы?..

Под тихую музыку ее голоса я уснул. Когда меня разбудили ужинать, оказалось, что Лапели давно ушла. Мне сказали, что в деревне сегодня праздник — генна, и девушка прибегала тайно, всего на несколько минут. В день генны не разрешается выходить из деревни и разговаривать с иноплемениками. Запрещено ткать, очищать рис, рубить деревья, делать что-либо из бамбука. Генна празднуется по случаю победы на поле боя, избавления от поветрий, сооружения ограды. Во время праздни-

ника режут свиней и кур, устраивают угощения с обильными возлияниями. Пир, однако, не начинают, пока первую чашу не выпьет ойпу — женщина-старейшина. Потом все — старики и молодые — танцуют, поют и веселятся.

...Прошло несколько дней. Лапели не приходила к роднику. Я не мог сосредоточиться, не мог заняться делом, бродил по горам в надежде ее встретить. Но ее не было нигде. К роднику по-прежнему каждое утро приходили девушки, я всматривался в их лица, искал Лапели. Увы, без успеха.

И вот пришло время расставаться с местом моего отшельничества. Сборы были окончены, и наутро мы должны были отправиться в путь. В тот вечер я долго бродил в поисках Лапели, но снова вернулся ни с чем. Страшно устал и, придя в палатку, сразу же бросился на кровать.

Я уже засыпал, когда услышал совсем близко чьи-то шаги. Да, сомнения не было: в темноте ко мне приближался какой-то человек. Лежа неподвижно, я ждал самого худшего... Но это была Лапели!

— Ты уезжаешь? — тихо спросила она. — Это правда?

— Да, Лапели.

— Ты принадлежишь равнине. Зачем только я тебя полюбила?

Я видел: Лапели была готова разрыдаться. Движимый чувством жалости и любви, я взял ее руку.

— Лапели, уйдем со мной... Дорогая Лапели...

Голосом, полным печали, она ответила:

— Никогда, никогда не говори мне этого. Я родилась в горах. Эти горы — моя душа, мое сердце. Как же я смогу жить без души? И ты... ты встретишь на равнине девушку еще красивее, чем я... Прощай, мне надо идти. Сегодня в деревне генна. Ты слышишь музыку?

— Генна? — спросил я растерянно. — Почему генна?

— Сегодня моя свадьба... Я стану женой сына чучуми из деревни Тапхаи...

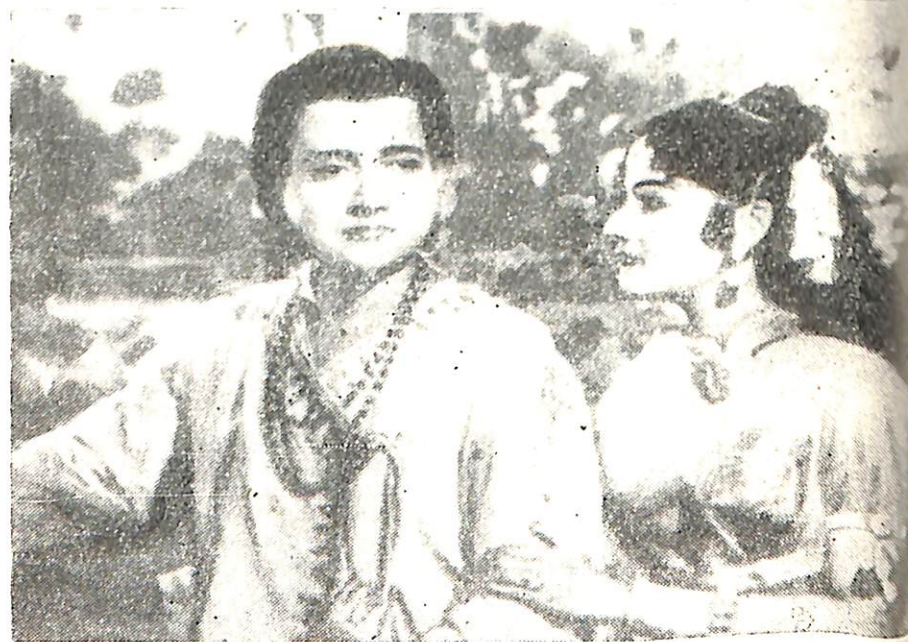
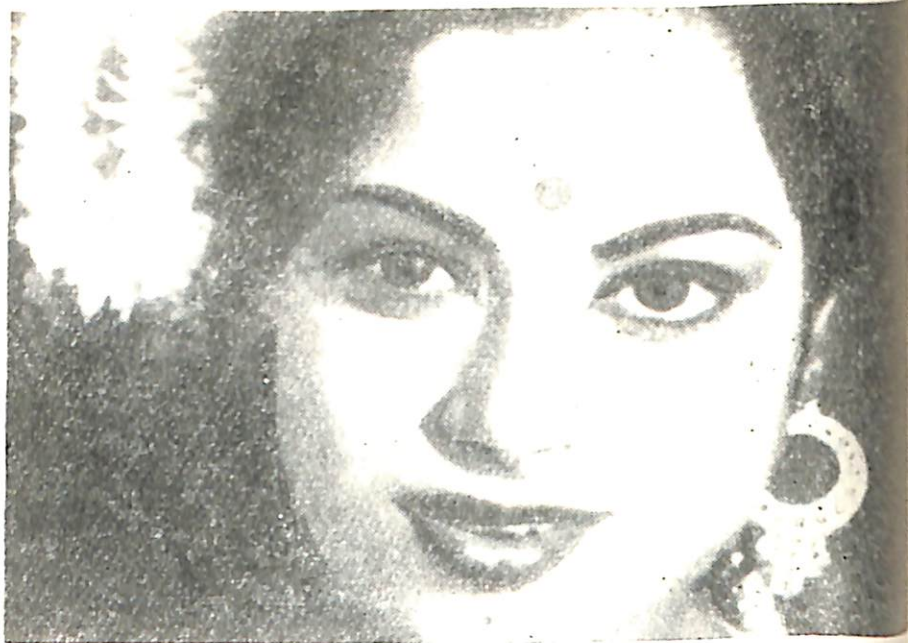
— Лапели, дорогая Лапели, — взмолился я, — не покидай меня. Уедем, уйдем вместе!..

Ответа не было.

Я протянул в темноте руку, чтобы удержать Лапели, но она исчезла... Меня жгла обида, терзало горькое разочарование. Жестокая, бессердечная, бесчувственная!.. И как я только мог полюбить эту дикарку?

Но прав ли, прав ли был я? Не диктовал ли мне этих упреков мой эгоизм? Лапели, Лапели, чья душа и сердце — ее родные зеленые горы, где ты теперь?

Перевел:
В. Зимин

Фильм о великом поэте

Индийский кинорежиссер Джоши Триведи снял на одной из бомбейских киностудий картину «Кави Калидас», посвященную жизни великого поэта и драматурга Индии Калидасы. В фильме любовно воссозданы картины быта древнего Индостана, историческая обстановка, в которой жил и творил поэт. «Кави Калидас» изобилует вставными музыкальными эпизодами, песнями и танцевальными сценами.

Мы публикуем два кадра из фильма.